

КУРЬЕР КУЛЬТУ

— Свой первый концерт с Госоркестром вы дали во время трагических событий на Дубровке. Не обернулось ли это для вас чем-то роковым?

— Была мысль, что нужно отменить концерт. Но жизнь продолжается. Все действительно совпало мистически — то был концерт памяти Евгения Светланова. Мы исполнили Вторую симфонию Скрябина, которая как нельзя более подходила к тому дню. И зал был полон. А это значит, что люди правильно поняли нашу позицию: мы не пошли на поводу у террористов.

— В тот период вы работали в атмосфере конфликта. Последние события показывают, что она не рассеялась.

— Сегодня конфликт исчерпан практически абсолютно. 99% музыкантов оркестра единодушны в своем мнении: в оркестре доброжелательная, здоровая, творческая атмосфера. Оркестр полностью укомплектован. Ансамблевая игра, интонация, баланс — на совершенно другом уровне.

— Но ведь существует история с контрабасистом Мещериновым, который уже дошел до суда?

— Об этом человеке могу сказать одно: он, мягко говоря, неадекватен. Именно он стоял во главе кампании по изгнанию Светланова из Госоркестра. Видимо, Мещеринов для себя решил, что всегда будет выгонять всех главных дирижеров. Но поддержки в коллективе у него совершенно никакой нет. Жалуясь в Минкульт и прокуратуру, трудовую инспекцию и суд, он, видимо, полагает, что сможет опять развалить Госоркестр, как это один раз уже случилось. Знаете, очень противно, но караван идет. Кстати, Мещеринов не уволен: он работает, правда, не так много, как все, успевая жаловаться во всевозможные инстанции. Но получая при этом свою зарплату, которая, благодаря президентскому гранту, довольно высока.

— Но давайте лучше о творчестве, чем о склоках. Скажите, сколько человек ушло из старого состава Госоркестра?

— Человек 30, но на их места пришли люди, которые на голову выше тех, кто ушел. Ни один, кстати, не был уволен, все ушли по собственному желанию. Но остались лучшие: Сергей Гиршенко — лучший концертмейстер страны, а может быть, и Европы, Александр Горбачев — концертмейстер вторых скрипок, Георгий Капитонов — концертмейстер альтов, работающий в ГАСО не менее 30 лет, Леонид Лебедев, Михаил Урман, Юрий Бабий, Владимир Школьник, Юрий Власенко и многие-многие другие. Остались те, кто занимается не скандалами, а музыкой.

— Когда в творческий коллектив приходит новый руководитель и начинает переделывать его "по себе", сразу возникает так называемый человеческий фактор. Вы с ним считаетесь?

— Да. Дирижер, как и режиссер, обязан быть творческой личностью, но при этом он

Маэстро

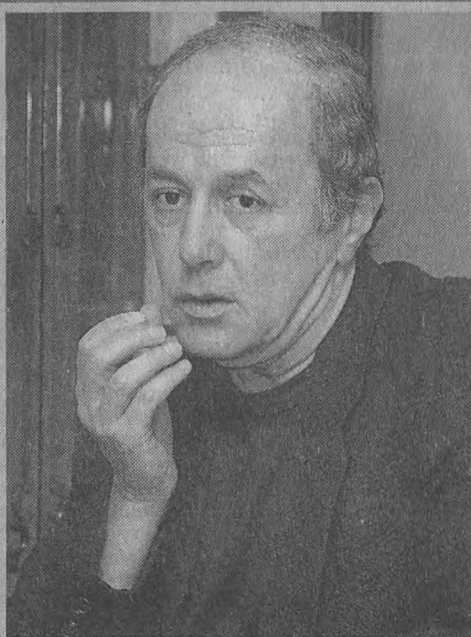
из "процедурной"

МАРК ГОРЕНШТЕЙН: ДИРИЖЕР ОШИБАЕТСЯ ТОЛЬКО ОДИН РАЗ

Ни одно назначение в музыкальном мире за последнее время не вызвало такого шквала разнообразных реакций, как назначение год назад Марка Горенштейна на пост худрука и главного дирижера Государственного академического симфонического оркестра. Масла в огонь подлили недюжинные амбиции маэстро, пообещавшего "вернуть прославленному оркестру его бывшее величие". И в самом деле ГАСО зажил нормальной концертной жизнью. Но недолго музыка играла — один из оркестрантов ГАСО обратился с жалобой на Горенштейна в Минкульт, а потом и вовсе подал в суд на министра культуры.

Впрочем, корреспондент "МК" Екатерина КРЕТОВА беседовала с Марком ГОРЕНШТЕЙНОМ не столько об этом скандале, сколько о творчестве, что гораздо интереснее.

обязательно должен быть еще и психологом, педагогом и, желательно, порядочным человеком. Это такая профессия, когда на репетициях ты все время делаешь замечания, что далеко не всем нравится, и при этом к каждому оркестранту нужно найти свой ключик. Что такое сделать "по мне"? Это создать атмосферу творчества, в которой не будет места для группировок, конфликтов, дразг и скандалов. В коллективе такого класса не должно быть малоталантливых людей. Ибо только талантливых можно объединить идеей Музыки. Идеей борьбы за власть их не объединишь. И есть у меня еще один главный принцип: никогда и ни при каких обстоя-

ИТАР-ТАСС

тельствах не обманывать. Если хоть раз соврал — теряешь авторитет раз и навсегда.

— Честно скажите, вы за диктатуру или за демократию?

— За пультом — диктат! То или иное построение фразы, формы, сочинения оркестр будет играть так, как слышу я. Но когда закончилась репетиция — абсолютная демократия. Я в перерывах на репетиции не успеваю даже чаю попить: у меня дверь не закрывается, все приходят со своими проблемами.

— Что обеспечивает авторитет главного дирижера?

— Безусловное признание коллективом творческой доминантности лидера. Этот оркестр обладает большой историей. Я убеждаю музыкантов не словами, а музыкой, звучанием оркестра — вот моя задача. Сегодня в оркестре каждый, думаю, пришел к выводу, что последовательность моих музыкальных замечаний ведет к повышению класса. Выяснилось, что у нас гениальная струнная группа, что у нас замечательные духовые, что мы умеем играть чисто, что выстроен прекрасный баланс. И они подходят ко мне и говорят комплименты. Хотя сам я всегда недоволен.

— С собой или оркестром?

— Бывает, что собой, бывает, что оркестром. Я его вызываю, мы начинаем разбирать, почему это произошло. Поэтому мою комнату называют "процедурной". Задача дирижера не просто сказать, что плохо, а понять, почему плохо, и что сделать, чтобы этого не было.

— Чем ваша репертуарная политика отличается от светлановской?

— Ничем. Последние годы Светланов играл западную музыку. Я считаю, что оркестр такого уровня должен играть все. Лично я привержен романтической музыке. Но если я дирижирую произведением, которое мне не очень близко, я все равно через некоторое время влюбляюсь в него. Так случилось с музыкой XX века, которой я много дирижировал за границей. Но с этим надо быть осторожнее. Так, в Венгрии я включил в программу сочинение Бартока, венгерского классика XX века, и часть публики демонстративно вышла. А затем вернулась на второе отделение, где исполнялась классическая симфония.

— Как вы работаете над партитурой?

— Я учу ее дома, за столом. И в оркестр прихожу совершенно готовым. Профессия заключается в том, что ты не имеешь права чего-нибудь не знать или в чем-нибудь ошибиться. Если ты один раз чего-то не знал, если сказал глупость, все — уходи. Фуртвенглер говорил: когда дирижер только идет по проходу, оркестр уже знает, кто будет командовать — дирижер оркестром или оркестр дирижером.

— Почему оркестр не гастролирует за рубежом?

— Это принципиальная позиция. Нужно ездить так, чтобы тебя еще раз позвали. В последние годы, уже после Светланова, Госоркестр так себя показал на гастролях, что его там больше не хотели видеть. Мне сейчас приходится переубеждать импресарио, объяснять, что ГАСО уже совсем другой. На то, чтобы привести оркестр в порядок, я взял два года. Оказалось, хватило одного. Поэтому на следующий сезон у нас намечены четыре поездки, в том числе большая — на 17 концертов — в Великобританию. Вторая причина — мы должны больше работать в России. И третья — сегодня люди получают по российским меркам приличную зарплату, и нет необходимости играть в испанской деревне за 300 долларов. Элитные оркестры должны ездить в элитные поездки.

— У вас есть любимые дирижеры, интерпретации которых вас "цепляют"?

— Магия Светланова очень действовала на меня в молодости. Что-то нравится у Мутти, что-то нравится у Темирканова и Аббадо. Светланов говорил: мое дело посылать флюиды. Научить можно любому количеству приемов, нельзя научить таланту и научить посылать флюиды. Если дано — будет "цеплять".

— Вы обещали вернуть оркестру бывшее величие. Получилось?

— Я считаю некорректным отвечать на этот вопрос. Оценивать должны другие.

Мы спросили известного дирижера Эри Класа (Эстония): "Я не первый раз работаю с Госоркестром России. Это не просто сыгранный коллектив, это оркестр, чье исполнительское искусство на высоте. Утверждаю с полным основанием: перемены в Госоркестре пошли ему на пользу".